

Оглавление

От издателя	7
Благодарности	10
Введение.	11
ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА	23
<i>Неомальтузианцы</i>	38
<i>Марксистские сторонники высокой рождаемости.</i>	43
<i>Консервативные сторонники высокой рождаемости.</i>	44
<i>Теоретики расовой гигиены</i>	48
<i>Феминистское движение</i>	52
ГЛАВА 2. ИСТОЧНИКИ НОВОГО ПОДХОДА	63
ГЛАВА 3. БОРЬБА СОЦИАЛИСТОВ ЗА ПОВЫШЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ	117
ГЛАВА 4. НОВЫЕ ДЕБАТЫ О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ	139
ГЛАВА 5. ОПЫТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ	175
ГЛАВА 6. СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО ОБЩЕСТВА	215
ГЛАВА 7. ПРИМЕНЕНИЕ НАУК ОБ ОБЩЕСТВЕ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ИМИ	247
Вместо послесловия.	265
Избранная библиография.	281
Предметно-именной указатель	297

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Социологическую серию ИРИСЭН продолжает книга Алана Карлсона «Шведский эксперимент в демографической политике». Ее автор — один из ведущих консервативных социологов и политологов США, заслуженный профессор политических наук Хиллсдейл Колледжа и президент Говардовского центра семьи, религии и общества.

Предлагаемая вниманию русскоязычного читателя работа посвящена одному из ключевых эпизодов в истории западной социологии и общественных наук в целом — началу шведского эксперимента по построению гуманного социалистического общества, основанного на идеалах разума, науки, социальной защищенности и свободы самореализации личности. В этом движении, начавшемся в 30-х годах прошлого века, большую роль сыграли тогдашние передовые наработки социальных наук, которые через посредство выдающихся ученых и общественных деятелей Альвы и Гуннара Мюрдалей были встроены в процесс принятия политических решений. Автор подробно рассматривает как сами эти идеи, так и политические перипетии, в ходе которых они стали превращаться в «материальную силу», радикально преобразившую общество.

Исследование Алана Карлсона представляет значительный интерес по целому ряду причин. Прежде всего, оно кратко и емко показывает внутреннюю логику формирования современного «государства всеобщего благосостояния», или «социального государства», — каким образом одни меры государственной социальной помощи порождают потребность в других и как все это в конце концов приводит к тотальному правительственному контролю над жизнью и судьбой граждан и к разрушению традиционных общественных институтов. Эта внутренняя логика описывается не абстрактно, а на материале конкретных исторических событий. В этом отношении данная книга хорошо дополняет работу Пола Готфрида «Странная смерть марксизма»¹, выходящую одновременно в рамках нашего проекта, в которой описывается идеологическая

¹ Готфрид П. Странная смерть марксизма. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2009.

эволюция, сопровождавшая становление и рост современного европейского «государства благосостояния».

Не менее важно и интересно описание того, каким образом теоретические идеи и «институциональная логика» пробивали себе дорогу в конкретной парламентской и правительственной политике Швеции, каким образом и под воздействием каких аргументов и обстоятельств вырабатывался консенсус различных политических сил. Этот материал представляет не только исторический интерес, но и весьма поучителен с точки зрения современной политики. К этому примыкает и важная тема, которая проходит красной нитью через авторское изложение — тема роли личности в истории. Создание шведского государства благосостояния является ярчайшим примером того, как небольшая группа талантливых и энергичных интеллектуалов может решающим образом повлиять на судьбу своей страны.

Наконец, есть и еще одна, самая важная причина того, что книга «Шведский эксперимент в демографической политике», вышедшая 19 лет назад, остается актуальной в наши дни. Она состоит в том, что «шведская модель» была и остается образцом последовательно реализованного проекта современного государства благосостояния. Логика функционирования и эволюции этого института ничуть не изменилась с 30-х годов XX в. Поэтому все интеллектуалы и политики, ставящие перед собой задачу его поддержания, неизбежно встают перед социальными дилеммами, с которыми столкнулись шведы более 70 лет назад.

Русское издание книги Алана Карлсона «Шведский эксперимент в демографической политике» с любезного разрешения автора дополнено его обзорным эссе, посвященным проблемам и дилеммам современного государства всеобщего благосостояния (социального государства) в сфере семейной политики. Хотя эта работа включена в качестве послесловия к книге, она представляет и самостоятельный интерес.

Мы рассчитываем, что книга Алана Карлсона будет полезной и интересной для российских социологов, демографов, а также для всех, интересующихся социальной политикой или работающих в этой сфере.

Валентин ЗАВАДНИКОВ,
Председатель Редакционного совета
Февраль 2009 г.

Моим родителям

БЛАГОДАРНОСТИ

Моя работа о Мюрдалях и об истоках шведской семейной политики началась с работы над диссертацией на историческом факультете университета Огайо. Я должен поблагодарить моего профессора Карла Густавсона, который направлял и подбадривал меня на этом этапе проекта.

Работая в Швеции, я получал полную поддержку работников Архива рабочего движения. Особого упоминания заслуживают Стеллан Андерссон, архивист коллекции Мюрдалей, вместе со Свеном Боденом и Евой Карлссон. Я благодарен Оргкомитету Социал-демократической рабочей партии и социал-демократической фракции парламента за разрешение ознакомиться с материалами ограниченного доступа. Мою работу с документами Шведского национального архива направляла Анн-Катрин Хатье, которая и сама изучает данный круг вопросов. Мои коллеги по Рокфордскому институту, и прежде всего Брюс Кристенсен и Томас Флеминг, помогли мне сформулировать собственное понимание подлинного значения и значимости шведского эксперимента. Хейди Брайфорд координировала машинописные работы.

Я безмерно признателен моей жене Элизабет за ее помощь и поддержку на всех этапах проекта и за то, что она неустанно подбадривала меня, когда я поддавался хандре. Наконец, я должен поблагодарить моих родителей, которые убедили меня, что все это стоит труда, и которым я и посвящаю эту книгу.

ВВЕДЕНИЕ

Шведские дебаты 1930-х годов по «вопросу народонаселения» представляют собой первое решительное вторжение современной социальной науки в процесс формирования государственной политики. Вооруженные новыми методами статистического анализа, Альва и Гуннар Мюрдали использовали резкое падение рождаемости в Швеции для обоснования новой фазы социальной реформы, ставшей беспрецедентным вмешательством демократического правительства в доселе частные вопросы пола и сексуальности, и нового понимания отношений между человеком, семьей и государством. Используя убедительные аргументы и политический нажим, Мюрдали сумели перехватить инициативу в демографическом вопросе у консерваторов и националистов, и поставили его на службу целям социализма. Всего за четыре года они сумели воплотить в реальность бóльшую часть своих идей, преобразовав природу шведского государства. Это был интеллектуально-политический подвиг, имеющий мало аналогов. Как модель использования социальных наук в политических дебатах их труд до сих пор является образцом для подражания, который и поныне вдохновляет и прельщает современных политиков.

Сегодня Швеция служит моделью современной семейной политики для всего мира; это страна, признавшая необходимость преобразовать общество ради воплощения в жизнь идеала равенства полов и полной индустриализации социальной жизни. В частности, американские политические аналитики видят в Швеции образцовую модель организации центров дошкольного воспитания, прогрессивного школьного образования, оплачиваемого отпуска отца или матери по уходу за детьми, пособий на детей и детского здравоохранения, которая дает возможность совместить стремление и к поддержанию рождаемости, и к равенству полов. И по своей идеологии, и даже в деталях шведская модель восходит к тому, что было заложено Мюрдалями. Любопытно, что в межвоенный период для самих Мюрдалей источником вдохновения, образцом активной позиции социальной науки и соблазнительных политических идей служили США. Заимствованные оттуда мето-

ды опросов, демографической статистики и социологического анализа придали новую силу политической аргументации и помогли полностью отменить традиционалистские настроения. Но и мрачная сторона современной Швеции — наступивший вследствие всего этого распад социальных связей — отчасти точно так же происходит из плохо понимавшейся то время слабости использованных ими данных социологии.

Опыт Мюрдалей бросает яркий свет на вопрос о роли отдельного человека в политических переменах. Является ли деятельность каждого политика отражением широких общественных и интеллектуальных тенденций, сопротивление которым бессмысленно и бесполезно? Или исполненный желания действовать человек может, опираясь на силу идей, изменить путь развития общества или страны?

Новейшие истолкователи шведских демографических споров видят в Мюрдалях главным образом популяризаторов уже распространенных в то время политических идей, вставших на службу непреодолимых изменений в организации общественной жизни. Например, историк Анн-Катрин Хатье уверена, что Мюрдали просто воспользовались существовавшими политическими теориями и вовсе не заботились об изменении роли женщин и сексуальной жизни, так что все перемены в этой области стали результатом социально-экономического развития. Анн-Софи Кальмарк, рассуждая о последствиях принятой в 1930-е годы политики повышения рождаемости, описывает изрядную путаницу в вопросе о целях, средствах и результатах, склоняясь к мнению, что историческое развитие шло независимо от идей и политики. В своем дерзком анализе упадка семьи в современной Швеции социолог Дэвид Попоноэ подчеркивает первостепенное значение социально-экономических тенденций, породивших то, что он называет «постнуклеарной семьей». Высказываясь достаточно осторожно, он тем не менее показывает, что участие Мюрдалей было по сути лишь затейливой рябью на приливной волне исторических перемен².

² См.: Ann-Katrin Hatje, *Befolkningsfrågan och välfärden: Debatten om familjepolitik och nativitetsökning under 1930-och 1940-talen* (Stockholm: Allmänna Förlaget, 1914); Ann-Sofie Källemark, *More Children of Better Quality? Aspects of Swedish Population Policy in the 1930's* (Uppsala: Historiska institutionen, 1980);

Однако при внимательном изучении Мюрдалей как исторических деятелей открывается иная картина: приложенные ими интеллектуальные усилия, а также политический и институциональный опыт изменили направление развития их общества. Ни порицаемые ими тенденции, ни предлагавшаяся ими политика, ни достигнутые ими результаты не были непреложным итогом исторического процесса. Мюрдали использовали силу идей, чтобы направить Швецию по радикально новому пути. В своем стремлении к социальной революции они исключили другие варианты и возможности развития, в результате став основателями постсемейного государства благосостояния.

Участие Мюрдалей в шведских дебатах и масштаб их влияния следует рассматривать еще и в контексте страхов по поводу демографических проблем, охвативших европейцев в межвоенные 1919—1939 гг. Тогдашняя политика прямо-таки заиклилась на перепадах демографического давления. Например, в значительной части Восточной Европы сохранялся высокий уровень рождаемости. Такие страны, как Польша, Словакия, Югославия, Румыния, Греция, Италия не знали, что делать с растущим числом безземельного сельского населения и с промышленностью, не способной, как казалось, разрешить эту ситуацию. Проблема явного «перенаселения» привлекала большое внимание³, осложняясь тем, что в возникших после войны государствах Центральной и Восточной Европы существовали значительные этнические меньшинства, отличавшиеся более высоким и политически взрывоопасным уровнем рождаемости⁴.

David Poponoe, *Disturbing the Nest: Family Change and Decline in Modern Society* (New York: Aldine de Gruyter, 1988).

³ J. D. Black, "The Problem of Surplus Agricultural Population," *International Journal of Agrarian Affairs* 1 (1939): 5—90; Josef Poniatowzki, "Le Probleme du sur peuplement dans l'agriculture polonaise," *L'est Europeaen agricole* 5 (April 1936) : 21—60; Oscar Jazzi, "The Economic Crisis in the Danubian States," *Social Research* 2 (February 1935): 98—116.

⁴ См. Eugene M. Kulischer, *Europe on the Move: War and Population Change, 1917—1947* (New York: Columbia University Press, 1948); Institut National de la Stitistique et des etudes economiques, *Les Transferts internationaux de populations* (Paris: Presses Universitaires de France, 1946).

В то же время народы Западной и Центральной Европы, Британское содружество наций и Северная Америка столкнулись с совершенно иной проблемой — с резким и явно ускорявшимся падением рождаемости с перспективой «депопуляции». В этот период были предложены новые демографические показатели, и в частности чистый коэффициент воспроизводства населения, которые привлекли внимание к сокращению числа детей. С конца XIX в., а особенно быстро после 1918 г. в Западной Европе развивается и крепнет движение, нацеленное на обеспечение политической поддержки семьи и высокой рождаемости.

Везде имелись свои местные и национальные особенности, но в целом мотивы авторов и организаций, участвовавших в движении за повышение рождаемости, были общими. В их основе лежали националистические и даже «племенные» эмоции. После полутора столетий непрерывного роста населения и демонстрации расовой жизненной силы многие европейцы посчитали тяжкой и унижительной перспективу сокращения и старения населения, притока «цветных» иммигрантов, смешанных браков и утраты национальной и расовой чистоты. В этот период в соответствующей литературе открыто обсуждается вопрос об упадке белой расы и неизбежности ее поглощения черными и цветными. Широко распространились страх и мрачные предчувствия⁵.

С этим была связана тема озабоченности геополитическими последствиями старения и падения численности населения. Для немецких и скандинавских авторов источником угрозы были быстро растущие славянские народы на востоке. Перед британской и французской империями встал вопрос об их спо-

⁵ О распространенности расовых страхов могут дать представление следующие работы: Henri Decugis, *Le destin des races blanches* (Paris: Librairie de France, 1936); Fernand Boverat, *Le race blanche en danger de mort* (Paris: Alliance nationale pour l'accroissement de la population française, 1938); Friedrich Burgdörfer, *Volk Ohne Jugend* (Berlin-Grunewald: Kurt Vowinkel Verlag, 1932); Friedrich Burgdörfer, *Sterben die weissen Volke? Die Zukunft der weissen und farbiger Volker im Lichte der Biologische Statistik* (Munich: Georg D. W. Callwey Verlag, 1934), pp. 49—71; Roderich von Ungern-Sternberg, *De Sorge Europas* (Berlin: Verlag von George Stilfe, 1936); Otto Helmut, *Volk in Gefahr* (Munich: J. F. Lehmanns Verlag, 1930).

способности сохранить свои заморские владения в условиях быстрого умножения численности колониальных народов. Францию тревожила демографическая угроза со стороны Германии⁶.

Третий общий мотив был экономическим. В отличие от неомальтузианцев, предсказывавших, что понижение численности населения приведет к повышению среднего уровня жизни, европейские борцы за повышение рождаемости доказывали, что по мере старения населения расходы на социальное обеспечение и здравоохранение будут расти и лягут на плечи численно слабеющего экономически активного населения. Они также указывали, что пожилые люди потребляют меньше, что ведет к сокращению спроса, к падению темпов прироста основного капитала и к общему сокращению хозяйственной деятельности. Падение численности населения приведет к экономическому кризису — после 1929 г. этот аргумент звучал особенно весомо⁷.

⁶ См.: Hans Weigert, *Generals and Geographers: The Twilight of Geopolitics* (New York: Oxford University Press, 1942); Roderich von Ungern-Sternberg, "Die Biologisch-demographische Lage und die Weltgeltung Westeuropas," *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik* 149 (February 1939): 160—178; Robert P. Meade, "Population Trends and the Future of European Democracies," *South Atlantic Quarterly* 37 (July 1938); Karl Loesch, *Die aussenpolitischen Wirkungen des Geburtenrückganges dargelegt am Beispiel der Französer* (Berlin: Junker und Dunnhaupt, 1938); Anton Reithinger, *Why France Lost the War: A Biological and Economic Survey* (New York: Veritas Press, 1940); Pierre Nobecourt, "Le Denatalite Francaise," *Revue des questions de defense nationale* 1 (June — August 1939): 213—235, 241—251; "The Birth Rate and the Empire," *Round Table* 106 (March 1937): 308—318; Ernst Schultze, "Befölkerungssorgen des britische Weltreichs," *Reichs-Gesundheitsblan* 14 (6 December 1939): 1001—1012; Paul de Valliere, "Natalite et defense nationale," *Revue militaire suisse* 85 (December 1940): pp. 501—509.

⁷ О спорах по поводу взаимосвязи между сокращением численности населения и экономикой см.: A. Loveday et al., *The World Economic Future* (London: George Allen and Unwin, 1937); Louis I. Dublin, *The Population Problem and World Depression* (New York: Foreign Policy Association, 1936); William Adams, *A Financial Officer's Concern in the Probable Decline of Population* (London: Institute of Municipal Treasurers and Accountants, 1939); W. B. Reddaway, *The Economics of a Declining Population* (New York: Macmillan, 1939); Georg Schönbrunn,

Анализ причин падения рождаемости тоже имел общие черты. В межвоенный период большинство сторонников повышения рождаемости усматривало главную причину его снижения в духовном упадке Запада. Во всем была виновата буржуазная мораль среднего класса с характерным для нее стремлением к личному успеху, жаждой чрезмерной роскоши, индивидуалистическим эгоизмом и нежеланием идти на жертвы ради детей. Неомальтузианская пропаганда противозачаточных средств как средства борьбы с бедностью и эмансипация женщин вызывали презрение. При этом в бедности, отсутствии жилья, безработице и распаде расширенной семьи исследователи видели всего лишь второстепенные причины, хоть и заслуживающие порой внимания⁸.

Die Bevölkerungsbewegung der Gegenwart und ihr Einfluss auf die sozialen und wirtschaftlichen Verhältnisse der Staaten Mittel-Europas (Vienna: Selbst-Verlag, 1935); John Maynard Keynes, "Some Economic Consequences of a Declining Population," *Eugenics Review* 29 (April 1937): 13–18; Roderich von Ungern-Sternberg, *Biologie und Ökonomie* (Berlin: Schoetz, 1936); Fernando Gazzetti, *Economica del declino demographico: Premessa alla politica demografica* (Rome: Mediterranea, 1938); Fritz Huhle, "Ist Frankreichs Nationalwirtschaft durch den Geburtenrückgang dedraht?" *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistic* 15 (February 1940): 186–211; Johan Åkerman, "Bevölkerungswellen und Wechsellagen," *Schmoller Jahrbuch* 61 (February 1937): 91–98; August Lösch, "Population Cycles as a Cause of Economic Cycles," *Quarterly Journal of Economics* 51 (August 1937): 649–662; "Le Probleme de la natalite," *Bulletin de la Chambre de commerce de Paris* 46 (8 July 1939): 652–685; Henri Brenier, "De Quelques Consequences economiques prochaines de la denatalite en France et en Europe," *Congress international de la population*, Vol. 7 (Paris: Hermann et Cie, 1937), pp. 118–26.

⁸ См.: Max Von Gruber, *Ursachen und Bekämpfung des Geburtenrückgangs im Deutschen Reich* (Munich: J. F. Lehmann Verlag, 1914), pp. 1–6, 55–69, 73–76; Fritz [Friedrich] Burgdörfer, *Das Bevölkerungsproblem: Seine Erfassung durch Familien Statistik und Familienpolitik: Mit besonders Berücksichtigung der Deutschen Reformpläne und der Französischen Leistungen* (Munich: Verlag von A. Buchholz, 1917), pp. v–x, 1–46; Roderich von Ungern-Sternberg, "Die Ursachen des Geburtenrückgangs im Welteuropäischen Kulturkris während des 19. und 20. Jahrhunderts," *Archiv für bevölkerungswissenschaft und*

Что касается конкретных политических мер, то сторонники повышения рождаемости призывали государство вознаграждать тех, кто проявляет социальную ответственность, и наказывать неженатых и бездетных. Они выступали против работы замужних женщин по найму и поддерживали политику, целью которой было удержать или вернуть женщину к традиционной роли жены и матери. Не доверяя городу и не любя все городское, они призывали людей переселяться в «зеленые пригороды», чтобы придать новую энергию селу и аграрному сектору. Сторонники повышения рождаемости обычно были противниками добровольной стерилизации генетически здоровых индивидов. Они поддерживали законы, запрещавшие половое воспитание, продажу или использование противозачаточных средств и аборты.

Позитивные социально-политические меры обычно включали введение или увеличение семейных налоговых вычетов, введение особого налога на холостяков и бездетных, установление выплат за рождение детей и кредитов новобрачным, пособия для семей с тремя и более детьми, надбавки к заработной плате или введение выплат в соответствии с числом детей, использование таких моральных стимулов, как медали многодетным матерям; программы предоставления жилья многодетным семьям и пропаганда, подчеркивающая ценность для нации семейной жизни и детей.

Во Франции и Бельгии в движении за повышение рождаемости были и демократические, и католические группы. Ассоциации многодетных семей, обычно связанные с церковными приходами, к 1920 г. слились в мощные общенациональные лобби, боровшиеся за предоставление многодетным семьям пособий и налоговых льгот. Католические лидеры опирались на папские энциклики «*Rerum Novarum*» и «*Quadragesimo Anno*», которые благословляли усилия государств по перераспределению дохода в пользу многодетных семей. Успех, которым движение гордилось больше всего, заключался во всеобъемлющей системе семейных пособий, установленных сначала в добровольном порядке на уровне отраслей, национализиро-

befölkerungspolitik 8 (January 1939): 1–19; Fernand Boverat, *L'Effrondement de la natalite* (Paris: Alliance nationale contra la depopulation, 1935); V. M. Palmieri, *Denatalita* (Milan: S. P. E. M., 1937).

ванных в 1930-е годы, а впоследствии превратившихся в общенациональную систему⁹. Фашистская Италия пристегнула движение за повышение рождаемости к своей борьбе с гедонизмом и за возрождение духовной силы западного человека. Государство обложило холостяков внушительным налогом и обеспечило многодетным семьям право бесплатного проезда, льготы по оплате коммунальных услуг, преимущества при найме на работу, женские консультации, гарантированные отпуска по беременности и родам, оплачиваемый в двойном размере восьмидневный отпуск новобрачным и программ семейных пособий¹⁰.

Забота о поддержании рождаемости не обошла стороной и Веймарскую Германию (к примеру, в конституции 1919 г. содержалось несколько уважительных упоминаний о семье и многодетных семьях), где демократический режим предоставил налоговые и иные льготы семьям с пятью и более детьми. Несмотря на это, в 1928—1933 гг. рождаемость в Германии резко упала, что способствовало нагнетанию панических настроений и пессимизма, охватившего Германию в эти годы. Вскоре после того, как в 1933 г. к власти пришли национал-социалисты, министр внутренних дел Вильгельм Фрик призвал к перестройке всей политической системы и подчинению ее задачам демографической политики. Особую известность получил принятый в июне 1933 г. закон о ссудах новобрачным, по которому «расово приемлемые» пары могли получить кредит в размере 1000 рейхсмарок на покупку мебели и об-

⁹ Во Франции страхи перед депопуляцией страны породили обширную литературу. См.: Jacques Bertillon, *La depopulation de la France* (Paris: F. Alcan, 1911); Joseph J. Spengler, *France Faces Depopulation* (Durham, N. C.: Duke University Press, 1938); Robert Talmy, *Histoire du Mouvement familial en France, 1896—1939*, Vols. 1, 2 (Paris: Union Nationale des Caisses d'Allocations Familiales, 1962); Jean Pinte, *Les Allocations familiales — Origines regime legal* (Paris: Librairie de Recueil Sirey, 1935). О ситуации в Бельгии см.: E. Dembour, *La Questtion de la population* (Brussels: Ligue des Familles Nombreuses de Belgique, 1933); Valere Fallon, *Famille et population* (Tournai: Casterman, 1942).

¹⁰ См.: Benito Mussolini, *La politica demografica* (Rome: Pinciana, 1937); Filippo Robatti, *Il Problems demografico sul piano del l'impero* (Torino: La Stella di San Domenico, 1937); Orazio di Marco, *La legislazione fascista per l'incremento demografico e l'assistenza sociale* (Campobasso: DiNunzio e Santorelli, 1938).

заведение хозяйством, причем с рождением каждого ребенка прощалась четверть основной суммы долга¹¹.

Тем временем в Англии озабоченность убежденных империалистов вопросами повышения рождаемости наткнулась на требования сторонников евгеники и на классовые различия в уровне рождаемости. В то время как организованная в частном порядке Национальная комиссия по уровню рождаемости в своем докладе за 1916 г. предостерегала от опасности прекращения роста населения с точки зрения национальных интересов, другие обращали внимание на «вымирание высших классов» и беспорядочное размножение «низших»¹². В Великобритании серьезные дебаты о «прожиточном минимуме» и пособиях на детей редко затрагивали вопрос о повышении рождаемости, поскольку рассматривались как элемент политики социального обеспечения¹³.

Вопрос рождаемости породил интеллектуальную тревогу и политические решения во многих других европейских странах¹⁴, в том числе в Швейцарии, Австрии, Голландии, Эстонии,

¹¹ См.: Max Reuscher, *Der Kampf gegen den Geburtenrückgang früher und heute* (Stettin: Ostsee-Druckerei und Verlag, 1935); Siegfried Boschan, *Nationalsozialistische Rassen- und Familiengesetzgebung, praktische Rechtsanwendung und Auswirkungen auf Rechtspflege Verwaltung und Wirtschaft* (Berlin: Deutscher Rechtsverlag, 1937); Elisabeth Nutt, *Die Bevölkerungspolitische Auswirkungen des Ehestandsdarlehen* (Berlin: Pfau, 1940); Frank H. Hankins, "German Policies for Increasing Births," *American Journal of Sociology* 42 (March 1937): 630–52.

¹² James Marchant, *Birth Rate and Empire* (London: Williams and Norgate, 1917); National Council on Public Morals, National Birth Rate Commission, *The Declining Birth Rate: Its National and International Significance* (London: Chapman and Hall, 1916); W. C. D. and C. D. Whetkam, "The Extinction of the Upper Classes," *Nineteenth Century* (July 1909): 97–108); R. B. Catell, *The Fight of Our National Intelligence* (London: D. S. King and Son, 1937).

¹³ C. D. H. Cole, *The Next Ten Years in British Social and Economic Policy* (London: Macmillan, 1929), pp. 183–199; Eleanor F. Rathbone, *The Case for Family Allowances* (Harmondsworth: Penguin Books, 1940).

¹⁴ Лучшим обзором межвоенного движения за повышение рождаемости остается классическая работа Д. В. Гласса: D. V. Glass, *Population Policies and Movements in Europe* (Oxford: Clarendon Press, 1940).

Латвии, Венгрии, Испании и Болгарии. Сходные опасения дали о себе знать в Канаде, Австралии и США¹⁵. К середине 1930-х годов создалось впечатление, что все европейские народы вот-вот рухнут в пропасть демографического кризиса.

Вот в эту бурлящую идейно-политическую среду и вмешались в 1934 г. Альва и Гуннар Мюрдали, предложившие свой, уникальный подход к демографической проблеме. Мюрдали разделяли обеспокоенность других борцов за повышение рождаемости поддержанием расовой или этнической однородности, национальной обороной и негативными психологическими и демографическими последствиями сокращения численности населения. Они объявили своей целью повышение уровня рождаемости в Швеции на 40% и отстаивали масштабное государственное стимулирование браков и рождаемости.

Но в остальном Мюрдали не соглашались с борцами за повышение рождаемости. Занявшись причиной снижения рождаемости, они отвергли идею о «духовной слабости западного человека» как анахронизм, выдвинув на передний план изменившееся в материальное положение семей, у которых пропало желание рожать детей. Они с энтузиазмом подхватили лозунг о «женской эмансипации» и другие феминистские сюжеты, заклеив домохозяйку как старомодных приживалок. Если другие борцы за рождаемость мечтали о переустройстве сельской местности и пригородов и создании там семейных гнезд, то Мюрдали прославляли городскую жизнь как неизбежное и желанное будущее. Еще скандальнее было то, что они

¹⁵ О кризисе рождаемости в Британском содружестве наций см.: А. Е. Mauder, *Alarming Australia* (Sydney, London: Angus and Robertson, 1939); Н. I. Sinclair, *Population: New Zealand's Problem* (Dunedin: Gordon and Gotch, 1944); А. N. MacKenzie, "Problems of Population and Persons," *Canadian Defense Quarterly* 14 (October 1937): 84–92.

В Соединенных Штатах тон в дебатах задавали поклонники евгеники. См.: Henry Pratt Fairchild, *People: The Quantity and Quality of Population* (New York: Henry Holt, 1938); Ernest Kulka, *The Causes of the Declining Birth Rate* (Cold Harbor, N. Y.: Eugenics Research Association, 1932); J. C. Litzenberg, "Presidential Address: Challenge of the Falling Birthrate," *American Journal of Obstetrics and Gynecology* 27 (March 1934): 317–29; Joseph J. Spengler, "Population Policy in the United States: The Larger Crisis in American Culture," *Vital Speeches* (1 January 1941).

потребовали введения в школах программы полового воспитания и широкой продажи противозачаточных средств. Если на континенте борцы за рождаемость с тоской вспоминали о лучших временах, то Мюрдали призывали ускорить приспособление к современности, видя в этом единственную надежду семей и детей. Идеологически они стремились — не больше и не меньше! — примирить меры по увеличению рождаемости и национализм с неомальтузианством, социализмом и феминизмом.

Настоящая книга, которую можно назвать интеллектуально-политической биографией, посвящена влиянию личной идеологии на науку об обществе, а социологов — на государственную политику. Деятельность Мюрдалей в ней рассматривается в двойной перспективе: как специфическая реакция на общеевропейскую проблему и как целостная сила, способствовавшая становлению современного шведского государства благосостояния. В книге приводятся сведения об истоках, содержании, политической реализации и долговременном влиянии уникальной совокупности идей, созданных, заимствованных и адаптированных двумя людьми. Если не считать революций и войн, наше столетие не знает лучшего примера того, как сила идей и человеческой воли меняют ход национальной истории.

В главе 1 дается обзор демографической, интеллектуальной и политической ситуации в Швеции, где Мюрдали развернули свою деятельность. Глава 2 прослеживает истоки интеллектуального арсенала Мюрдалей через анализ влияний, формировавших их мышление и карьеру до 1934 г. Сами новые идеи и доказывающие их аргументы изложены в главе 3. Следующая глава описывает политические дебаты, вспыхнувшие в Швеции в 1934—1935 гг. Глава 5 рассказывает о чрезвычайном интеллектуальном влиянии Мюрдалей на созданную в 1935 г. Комиссию по народонаселению, а также на связанные с ней государственные и частные организации. Глава 6 отслеживает политические отклики и развитие новых направлений политики в 1936—1938 гг. Последняя глава формулирует выводы о способности идей, связанных с современными социальными науками, влиять на людские дела и содержит предположения о том, как шведские дебаты 1930-х годов могут получить второе рождение в дебатах об американской внутренней политике на 1990-е годы.

Глава 1

СОЦИАЛЬНАЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

Мюрдали со своим новым подходом к проблеме падения рождаемости появились на уже основательно заполненной шведской сцене, выдержавшей шестьдесят лет энергичных споров о политическом смысле демографических изменений.

Для полноты картины важно учитывать и значительные экономические перемены. В начале XIX в. в Швеции посредством огораживания общинных полей была разрушена старая система сельского хозяйства. В тот период Швеция, которую нередко и весьма точно называли «укрепленной хижинкой», испытывала застой заработной платы и явное обострение нищеты в сельской местности. Но фундамент нового экономического порядка был уже заложен. В 1846 и 1864 гг. парламент принял законы, отменившие систему гильдий и упростившие регламентирование промышленности. Закон о бедных 1847 г. превратил помощь беднякам из благотворительной милостыни в упорядоченную систему общественного призрения. В Швеции началась эпоха буржуазного либерализма, продлившаяся с 1850 г. по 1930 г.

В период 1850—1870-х годов в ответ на общий подъем хозяйственной деятельности в Европе в Швеции началось расширение лесозаготовительной и лесопильной промышленности. Но настоящая индустриализация началась только в 1870-е годы, сопровождаясь хорошо известными явлениями — обезлюдением сельских районов, урбанизацией и массовой эмиграцией. В то же время в городской культуре на первый план вышли интересы деловых кругов и буржуазная сентиментальность. Еще в 1870 г. 72,4% шведского населения проживало в сельской местности. К 1880 г. эта доля упала до 67,9%. И это было только началом процесса миграции

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru